

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ТЫЛУ СЕВЕРНОГО УЧАСТКА ПОЛЬСКО- -СОВЕТСКОГО ФРОНТА В 1919–1920 ГГ.

PIOTR SICHORACKI

На завершающем этапе Первой мировой войны на Восточном фронте сложилась специфическая ситуация. Центральные Державы, проигравшие на Западе, провели победоносную кампанию на Востоке. Линия фронта, достигнутая в первые недели 1918 г. немецкой и австро-венгерской армиями, была лишь в минимальной степени эффектом сопротивления дезорганизованной российской армии, формально находившейся под большевистским командованием.¹ Несмотря на успех в войне с Россией, именно события на фронтах во Франции и Италии предопределили завершение немецкой и австро-венгерской оккупации земель бывшей Российской империи. Вместе с эвакуацией немцев с северной части данной территории, лежащей на западе между восточной границей т.н. Царства Польского и линией фронта на востоке, сюда входили польские и советские войска. Столкновение сторон произошло в первой половине февраля 1919 г. в районе Берёзы Картузской, сегодня находящейся на территории западной Беларуси. Это положило начало формированию полноценного театра военных действий советско-польской войны, который в 1919–1920 гг. несколько раз существенным образом изменял свое положение только в своем северном фрагменте.

Темой данной статьи являются отношения между представителями основных национальных групп, находящихся в тылу северного фрагмента фронта советско-польской войны. На протяжении большей части этого военного конфликта линия, разделяющая две противоборствующие стороны, проходила через территорию современной Беларуси. До августа 1919 г. поляки заняли территорию почти на 100 км восточнее Минска и удерживали ее до начала июля 1920 г. Отступления началось с середины лета, но затем в результате контрнаступления в сентябре и октябре польская армия вновь заняла значительную часть этой территории. В связи с таким ходом военных действий тыловыми территориями северной части советско-польско-

1 Pipes, Richard: *Rewolucja rosyjska*. Warszawa 1994, s. 380.

го фронта следует считать земли от восточной границы бывшего Царства Польского на западе до актуальной в каждом конкретном моменте линии военных действий на востоке. На политической карте Европы эти территории составляют западную и центральную часть современной Беларуси.

Три основные национальные группы, проживающие на интересующих нас территориях, – это белорусы, поляки и евреи. Не будем останавливаться на их подробной характеристике. Стоит лишь отметить, что белорусы составляли большинство населения, будучи преимущественно православными крестьянами. Поляки преобладали среди землевладельцев и интеллигенции, хотя также были заметно представлены в крестьянской (в основной католической) среде. Количество поляков от общей численности населения, вероятно, можно оценить в пределах от 10 до 20%. Еврейское население было сконцентрировано в городах, занимаясь преимущественно торговлей. Евреи также преобладали в группе представителей так называемых “свободных профессий”. Их общая численность составляла около 10% населения. Вышеизложенная характеристика носит упрощенный характер и верна лишь в общих чертах. Она не учитывает и существовавшие промежуточные ситуации, например, белорусов-католиков, а также группу населения с несформированным чувством национального самосознания. Тем не менее, такое разделение позволяет понять явления, оказывающие влияние на отношения между представителями отдельных национальных групп.

Стоит напомнить, что на национальную структуру в 1919–1920 гг. повлияла эвакуация части населения, осуществленная российскими властями в 1915 г. в связи с отступлением с интересующих нас территорий царской армии и администрации. Ее масштабы оцениваются примерно в миллион человек.² В этом случае важно подчеркнуть, что православное население (белорусы и русские) составляли подавляющее большинство эвакуированных. Поскольку по большей части их возвращение произошло уже после окончания советско-польской войны, то последствия т. н. „беженства“ оказали значительное влияние на демографические и национальные процессы на данных территориях. Также стоит добавить, что в краткосрочной перспективе (1919–1920 гг.) процент поляков был несколько выше по сравнению с ситуацией на 1915 г.³ Отмечу также, что проблема взаимоотношений между политическими элитами,

2 Mironowicz, Eugeniusz: *Historia państw świata w XX wieku*. Białoruś. Warszawa 2007, s. 29.

3 Дмитриева О. П.: *Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)*. Минск 2017, с. 87; *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919)*. Lwów 1922; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=351, http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=371, http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=374. [26. 3. 2020].

представляющими белорусов, поляков и евреев, будет являться лишь фоном, а не основным предметом моих рассуждений.

Как уже было сказано, поляки на описываемой территории не составляли большинства, но занимали особые институциональные, политические и военные позиции. Созданная ими временная администрация и наличие армии предопределили господствующее положение в отношениях с другими национальностями. В связи с этим следует присмотреться к действиям гражданской администрации, армии и структур, формально имеющих статус общественных организаций, но пользующихся поддержкой властей и иногда стремящихся играть определенную роль в управлении (как например, “Страж Кресова”, имеющая по официальных данным на ноябрь 1919 г. более сотни инструкторов, обслуживающих около 30 отделений⁴). Можно предположить, что, в отличие от воинских подразделений, польская гражданская администрация в гораздо большей степени состояла из местных поляков, особенно из интеллигенции и крупных землевладельцев.⁵ Их действия по отношению к непольскому населению следует расценивать как достаточно конфликтные. Во всяком случае, так они воспринимались противоположной стороной. В отношении белорусов они были склонны сомневаться в их национальной субъектности, что, впрочем, не означало, что она полностью отрицалась. Институциональное развитие белорусского национального движения было затруднено, но не уничтожено полностью. После нескольких месяцев польского присутствия даже благожелательно относившиеся к нему белорусы обращали внимание, что местная польская администрация состоит „из людей с кастовыми, вчерашними убеждениями, для которых форма управления российских времен *mutatis mutandis* является сама по себе делом естественным”.⁶ Вероятно неоднократно в глазах представителей польской власти белорусское национальное движение напрямую отождествлялось с “большевизмом”.⁷ Инциденты с участием армии, жертвами которых были

4 Gierowska-Kallaur, Joanna: Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich. Współdziałanie czy gwałtacja? Warszawa 1999; Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 117.

5 Gierowska-Kallaur, Joanna: Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa 2003, s. 395

6 Цитата из меморандума Вацлава Ивановского польским властям от 19 марта 1920 г. [в.]: Чернякевич, Андрей: БНР. Триумф побежденных. Минск 2018, с. 156; Турук Ф.: Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов. Москва 1921, с. 64–65; Короткова Д.А.: Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. Москва 2019, с. 126–127.

7 Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых аргані-

белорусские крестьяне или евреи, на вербальном уровне осуждались гражданскими властями, предпринимались попытки предотвратить их, но этого не удавалось достигнуть. Стоит добавить, что имели место случаи ревиндикации бывших католических храмов, которые в то время уже более ста лет функционировали как православные церкви.⁸

В ситуации вооруженного конфликта большое влияние на интересующий нас вопрос имели действия солдат польской армии. Подавляющее большинство солдат в подразделениях Войска Польского не были местными уроженцами. Тем не менее, в связи с тем, что местное непольское однозначно идентифицировало их как носителей польской культуры, а местные поляки относились к ним – хотя, вероятно, не без оговорок⁹ – как к «своим», их можно считать субъектом межнациональных отношений того периода. Вполне очевидно, что польские войска, вместе с продвижением на восток и занятием очередных территорий с зимы 1919 года находили поддержку среди местного польского населения.¹⁰ Об этом свидетельствуют достаточно успешный призыв добровольцев и материальная поддержка польских общественных организаций. В то же время это отнюдь не означало, что конфликтные ситуации отсутствовали. Однако, несомненно они случались гораздо реже, чем в отношениях с белорусским и еврейским населением.¹¹ Формированию негативного образа Польши среди жителей белорусской деревни способствовали действия жандармерии. В какой-то мере это очевидно, учитывая номинальные задачи такого подразделения, ориентированного на поддержание порядка силовыми мерами в условиях военного времени. Тем не менее даже анализируя польские источники, можно сделать вывод о чрезвычайной жестокости действий жандармерии. Что еще более важно, этот факт оказывал деструктивное влияние на степень лояльности

заций у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 125.

- 8 Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск 2009, с. 85. [оригинальная версия: *Krótki zarys zagadnienia białoruskiego, opracowanie Oddziału II Sztabu Generalnego Wojska Polskiego, Warszawa 1928*].
- 9 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 - першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 203.
- 10 *Sprawozdanie okręgu brzesko-grodzińskiego Straży Kresowej* [Отчет брестко-гродненского округа Стражи Кресовой], [w:] *O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziem północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 143.*
- 11 *Protokół zjazdu instruktorów Straży Kresowej Okręgu Grodzieńskiego z 5 VII 1919.* [Протокол съезда инструкторов Стражи Кресовой гродненского округа от 5 июля 1919 г.], [w:] *O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziem północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 105.*

непольского населения к польскому государству. Для оценки масштабов данного явления примечательно, что память о конфликтах в 1919–1920 гг. с польской армией оказалась весьма устойчивой. Даже в конце 1930-х годов, после почти двух десятилетий с момента окончания советско-польской войны, этот фактор оказывал заметное влияние на отношение белорусов к польскому государству.¹²

В силу своего экономического положения крупные землевладельцы были чрезвычайно важной группой внутри польского социума. Их роль явно не соответствовала небольшой численности данной группы, если выразить ее в абсолютных цифрах. Период 1917–1919 гг. негативно повлиял на отношение крупных польских землевладельцев к белорусскому сельскому населению. Особенно это касалось территорий, временно находящихся под контролем большевиков, что зачастую было равносильно потере имущества, принудительному выселению и часто непосредственной угрозе физической расправы. Иной сценарий, предусматривающий сотрудничество с советской властью, также был возможен, но являлся исключением из общего правила.¹³ Даже под управлением польской администрации, возвращающиеся вместе с ней землевладельцы не чувствовали себя уверенно, о чем свидетельствует тенденция продажи своих имений.¹⁴ Учитывая весь спектр разнообразных и не всегда негативных форм взаимодействия землевладельцев с крестьянством, следует подчеркнуть, что в целом их взаимоотношения были плохими.¹⁵ Иначе и не могло быть, если целью данной группы был максимально возможный в тех условиях возврат до-reволюционной собственности.¹⁶ Для выяснения отношений с крестьянами землевладельцы часто прибегали к поддержке армии. Подобные случаи, вероятно, чаще всего были связаны с попытками возврата утраченной собственности. Гораздо реже таким образом пытались привлечь рабочую

12 Wysłouch, Seweryn: *Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich*. Warszawa 2013, s. 41–43

13 Najdus, Walentyna: *Lewica polska w Kraju Rad 1918–1920*, Warszawa 1971, s. 245.

14 Wnioski instruktora Straży Kresowej powiatu bobrujskiego na zjazd starostów z 7 XI 1919 [Предложения инструктора Стражи Кресовой в бобруйском повете на съезде старост от 7 ноября 1919 г.], [w:] *O Niepodległą i granice*, t. 7. *Raporty Straży Kresowej 1919–1920*. *Ziem północno-wschodnich opisanie*. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 978.

15 Instrukcja agitacyjna dla pracowników Straży Kresowej z 29 V 1920 [Агитационная инструкция для работников Стражи Кресовой от 29 мая 1920 г.], [w:] *O Niepodległą i granice*, t. 7. *Raporty Straży Kresowej 1919–1920*. *Ziem północno-wschodnich opisanie*. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 978.

16 Jurkowski, Roman: *Ziemianstwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904*. *Działalność społeczno-gospodarcza*. Warszawa 2001, s. 60.

силу.¹⁷ Неудивительно, что представители данной группы чаще всего игнорировали стремление белорусов к созданию собственного государства и отдавали предпочтение инкорпорации описываемых территорий в состав Польши. С течением времени и, как казалось, усилением польского военного присутствия в Беларуси, подобная позиция становилась все более однозначной.¹⁸

Опыт русской революции в глазах крестьянства показал, что фундаментальный исторический конфликт о владении землей может быть разрешен в его пользу. Идея переворота в вопросе собственности на землю тогда считалась «самым популярным лозунгом в Беларуси».¹⁹ Его значение возрастало из-за репатриации, благодаря которой в 1919 г. начали возвращаться из России жители, эвакуированные в 1915 году.²⁰ Оставим в стороне вопрос о том, какой из вариантов решения земельного вопроса был наиболее популярен среди белорусских крестьян: подразумевающий элементы коллективного владения землей или допускающий ее переход из собственности крупных землевладельцев в индивидуальное пользование отдельных крестьянских хозяйств. Оба варианта присутствовали в сознании жителей белорусской православной деревни. В интересующем нас контексте важно то, что данная проблема скорее усиливала антагонизм, чем объединяла белорусов с поляками, и одновременно способствовала развитию нациотворческих процессов среди белорусов.²¹ В крестьянской среде преобладало убеждение, что польское государство и крупные землевладельцы связаны общими интересами.²² Масштаб и сила подобных настроений среди белорусов никак не соотносились с тем фактом, что в действительности между местной польской политической и социальной элитой на этой почве существовали

17 Gierowska-Kallaur, Joanna: Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa 2003, s. 392, 394.

18 Michaluk, Dorota: Białoruska Republika Ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń 2010, s. 463–464; Woyniłłowicz Edward: Wspomnienia 1847–1928. Część pierwsza. Warszawa 2016, s. 267; Чернякевич, Андрей: БНР. Триумф побежденных. Минск 2018, с. 161.

19 Raport o nastrojach politycznych ludności białoruskiej [Рапорт о политических настроениях среди белорусского населения], [w:] O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemi północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 931.

20 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 - першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 323.

21 Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 128.

22 Луцкевіч, Антон: Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 19.

разногласия. Власти и часть интеллигенции были склонны поддержать интересы крестьян в вопросе parcelляции.²³

Отношение белорусского населения, а особенно преобладающих в этой национальной группе крестьян, в отношении польской гражданской и военной администрации эволюционировало. Исходя из анализа польских источников, не носивших пропагандистского характера, изначально оно было весьма благосклонным и наверняка лояльным к реалиям новой власти. Сказался негативный опыт, приобретенный населением во время нахождения этих территорий под властью большевиков.²⁴ Однако с течением времени ситуация менялась в отрицательную сторону.²⁵ Обычным явлением стали военные реквизиции, часто принимающие форму грабежа, чрезвычайно обременительные, например, в отношении повозок.²⁶ В представлении села армия становилась «панскими наемниками».²⁷ Гражданская администрация также предпринимала действия, лишавшие ее в глазах жителей села ауры покровителя населения. Особенно это касалось распоряжений, вынуждающих крестьян поддерживать хозяйства крупных землевладельцев либо в форме принудительного труда, либо в форме неравного распределения урожая.²⁸ Органы гражданского управления, как и зависящие от них учреждения (напр. школы), также считались «панскими», то есть враждебными.²⁹

Определенную роль здесь сыграли и белорусские активисты, нацеленные на создание собственной государственности, или по меньшей мере на развитие белорусского национального сознания. Структуры, учрежденные

23 Raport o nastrojach politycznych ludności białoruskiej [Рапорт о политических настроениях среди белорусского населения], [w:] O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemi północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 931.

24 Łatuszonek, Oleg: Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok 1995, s. 129.

25 Wysłouch, Seweryn: Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich. Warszawa 2013, s. 38–40.

26 Луцкевіч, Антон: Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 209.

27 Wyciągi z raportów rejonowych Straży Kresowej [Выписки из районных рапортов Стражи Кресовой]. [w:] O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemi północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 1052.

28 Raport Straży Kresowej na powiat ihumeński [Рапорт Стражи Кресовой в игуменском повете]. [w:] O Niepodległą i granice, t. 7. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemi północno-wschodnich opisanie. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 1011

29 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 - першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 205.

белорусскими политиками, создавались и после занятия описываемых территорий польской армией. Цели декларировались весьма широкие: «повышение национального самосознания населения, его духовной и материальной культуры».³⁰ Их влияние на население было не слишком значительным, что было связано с неблагоприятной политической обстановкой. Официальная польская администрация зачастую, хоть и не всегда, не одобряла подобных действий, увольняя белорусов из подчиненных ей учреждений и служб, ликвидируя их учебные заведения или косвенно препятствуя их деятельности (например, посредством особых финансовых взысканий). Создание структур белорусского движения открыто преследовалось.³¹ Это способствовало еще большему снижению активности белорусских кругов.³² Тем не менее национальная агитация доходила до сельской местности и создавала белорусскую идентичность ее жителей, используя все же существующие в данных условиях возможности.³³

Интенции и стремления польских властей – также начальника государства Юзефа Пилсудского – в отношении определения границы допустимой белорусской деятельности стоит рассматривать как проблему, которая не поддается однозначным оценкам. На сегодняшний день их можно оценить как весьма непоследовательные, поскольку они предусматривали как игнорирование «белорусского вопроса», так и желание создать антироссийский «белорусский Пьемонт».³⁴ Следует также отметить, что политика польских властей имела региональные отличия, что также было связано с убеждениями Юзефа

30 Чернякевич, Андрей: БНР. Триумф побежденных. Минск 2018, с. 140.

31 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 202, 237; Łatyszonek, Oleg: Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok 1995, s. 129; Луцкевіч, Антон: Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 8, 14; Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 117.

32 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 - першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 202–203; Чернякевич, Андрей: БНР. Триумф побежденных. Минск 2018, с. 160.

33 Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 124–125; Чарнякевіч, Андрэй: Чужы сярод чужых. Павел Аляксук і беларускія “паланафілы”. Минск 2017, с. 133.

34 Бароўская В. М.: Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Минск 2017, с. 84, 101; Короткова Д. А.: Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. Москва 2019, с. 139.

Пилсудского.³⁵ В западной части интересующей нас территории она носила скорее репрессивный характер, тогда как в восточной части отличалась большим либерализмом, особенно в прилегающих к Минску районах, где количество различных белорусских инициатив было в несколько раз выше.³⁶ Подобную тенденцию также подтверждает согласие на создание в Минске в октябре 1919 года Временного Белорусского Национального Комитета, который занимался не только просветительской и благотворительной деятельностью, а также и сотрудничал с Центральным союзом белорусок, созданным практически в то же время. Комитет имел около 30 инструкторов, работающих на местах.³⁷ Однако важно отметить, что белорусская национальная деятельность проводилась в первую очередь в оппозиции к польской культуре, которая виделась враждебной вне зависимости от классовой или социальной дифференциации польского населения. Зачастую подобную тенденцию не мог переломить даже акцент на национальную агитацию и отказ от российского влияния среди белорусских национальных активистов, работающих в сельской местности.³⁸ В усилении антипольских настроений сыграло роль и коммунистическое подполье, хотя оценка его эффективности остается открытым вопросом. Имело место также вооруженное сопротивление крестьян.³⁹ Его масштабы и происхождение до сих пор остаются малоизученной проблемой, поскольку трудно считать достоверными обобщения, сформулированные в советской историографии еще в 1920-х гг.⁴⁰

В особом положении оказались местные евреи. В ситуации динамично развивающегося вооруженного конфликта они были более всего подвержены

35 Чарнякевіч, Андрэй: Чужы сярод чужых. Павел Аляксук і беларускія “паланафілы”. Мінск 2017, с. 131.

36 Турук Ф.: Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов. Москва 1921, с. 66.

37 Чернякевич, Андрей: БНР. Триумф побежденных. Минск 2018, с. 140; Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 120–122.

38 Токць, Сяргей: Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 - першай трэці 20 ст), Гродна 2003, с. 254; Луцкевіч, Антон: Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 19; Ляхоўскі, Уладзімір: Ад гоманаўцаў да гайсакоў: чыннасць беларускіх маладзевых арганізацый у 2-й палове XIX ст. - I-й палове XX ст. (да 1939 г.). Смаленск 2015, с. 119–120,123

39 Łатыzonek, Oleg: Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok 1995, s. 123; Луцкевіч, Антон: Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 17

40 Турук Ф.: Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов. Москва 1921, с. 67.

физическому насилию. Причиной тому были как классические антисемитские стереотипы, так и постоянно возникающее убеждение об особой симпатии, которую евреи якобы должны были активно проявлять к большевикам. Как и в случае с польско-белорусскими отношениями, межэтнические контакты были омрачены эксцессами со стороны армии. Вероятно, вспышки насилия в отношении евреев проявились сразу после занятия и установления контроля над интересующими нас территориями. В крупных городах возникали инциденты, приводившие к гибели их еврейских жителей.⁴¹ Напряжение было настолько серьезным, что главнокомандующий Литовско-Белорусским фронтом, то есть офицер самого высокого ранга на интересующей нас территории, был вынужден издать соответствующий приказ.⁴² Следует предположить, что большей жестокостью к евреям отметились подразделения, состоявшие из уроженцев польских земель, ранее входивших в состав Германской империи.⁴³ Отдельное место следует посвятить последствиям присутствия на польско-советском фронте частей, имеющих статус «союзнических» по отношению к польской армии, но не входивших в ее состав. В значительной степени смешанные по национальному признаку отряды под командованием генерала Булак-Балаховича, состоявшие в основном из бывших солдат царской армии, проявили исключительную жестокость по отношению к еврейскому населению в реалиях тогдашнего времени.⁴⁴ Стоит обратить внимание, что эти военные формирования также создавались за пределами интересующей нас территории. Возможно, это следует рассматривать как показатель меньшего уровня напряженности, существовавшей между местным нееврейским населением и евреями.

Позиции еврейского населения были весьма различны. По отношению к полякам и польской администрации можно отметить как проявления неприязни, так и одобрения. Вероятно, ключевое значение в данном вопросе имела разница поколений. Старшее поколение евреев охотнее сотрудничало с польскими властями. Молодое поколение чаще занимало конфронтацион-

41 Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці. Мінск 2012, с. 401–402; Gauden, Grzegorz: *Lwów, kres iluzji. Opowieść o pogromie listopadowym 1918 r.* Kraków 2019, s. 282–290.

42 Rostworowski, Stanisław: *Listy z wojny polsko-bolszewickiej.* Warszawa 1995, s. 84.

43 Raport polityczno-informacyjny Ministerstwa Spraw Wojskowych z 27 XI 1919. [Политический и информационный рапорт Министерства военных дел от 27 ноября 1919 г.] [w:] *O niepodległą i granice, t. 2. Raporty i komunikaty naczelnych władz wojskowych o sytuacji wewnętrznej polski 1919–1920.* Warszawa-Pułtusk 1999/2000, s. 74.

44 Raport ppor. S. Błońskiego dla szefa Oddziału II [wywiadowczego] 3. Armii z 20 IX 1920. [Рапорт подпоручика С. Блонського командующому II Отделом [разведывательным] 3. Армии от 20 сентября 1920] [w:] Балахоўцы. Сведчанні, дакументы, даследаванні. Смаленск 2014, с. 389–393.

ную позицию, также вследствие ярко выраженных в этой группе просоветских настроений.⁴⁵ Однако, необходимо сказать, что даже среди этой части еврейского населения отмечались симпатии к польскому государству, о чем свидетельствует случай добровольца еврейского происхождения в Войске Польском.⁴⁶ Отметим, что в использованных источниках не обнаружено никаких данных о реалиях сосуществования белорусского и польского сельского населения с евреями. Стоит также подчеркнуть, что среди белорусских политиков существовало убеждение о необходимости сотрудничества с местным еврейским населением.⁴⁷

Период советско-польской войны на белорусских территориях, находящихся под контролем Польши, был временем обострения отношений между основными этническими группами. Причины такого положения дел стоит искать в традиционных социальных конфликтах (особенно в сельской местности), проходящих по условной оси землевладелец–крестьянство. Резкая радикализация этих противоречий вследствие двух русских революций в 1917–1918 гг. начала приобретать черты национального соперничества. Его наиболее ярким проявлением были реалии существования польских воинских формирований, появившихся в результате фактического распада царской армии [1-й Польский корпус]. Подобные эпизоды бросали тень на польско-белорусские отношения уже во время советско-польской войны.⁴⁸ Для понимания масштабов негативных процессов, усилившихся во время советско-польской войны, важно обратить внимание на характер коммунистического движения на территориях, которые по результатам Рижского мира были включены в состав Польши. Здесь оно однозначно имело подрывной характер. Несмотря на то, что поляки составляли несколько десятков процентов населения, их численность в коммунистических организациях явно не превышала нескольких процентов, а в некоторых областях в подобных структурах они практически отсутствовали. Данное противоречие также было следствием событий, происходивших в тылу польско-советского фронта в 1919–1920 годах.

45 Böhler, Jochen: *Wojna domowa. Nowe spojrzenie na odrodzenie Polski*. Kraków 2018, s. 182.

46 Raport kierownika Straży Kresowej powiatu kobryńskiego z [po 15 IX 1920] [Папопт руководителя Стражи Кресовой в кобринском повете [после 15 сентября 1920 г.], [w:] *O Niepodległą i granice*, t. 7. *Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemi północno-wschodnich opisane*. Warszawa – Pułtusk 2011, s. 303.

47 Чернякевич, Андрей: *БНР. Триумф побежденных*. Минск 2018, с. 144.

48 Луцкевіч, Антон: *Польская акупацыя ў Беларусі [в:] Луцкевіч, Антон: Барацьба за вызваленне. Вільня – Беласток 2009, с. 2.*

National Conflicts in the Rear of the Northern Section of the Polish-Soviet Front during 1919–1920

The article discusses the issues of national relations in the Polish front rear area during the war with Soviet Russia. It primarily focuses on the northern section of this area that is today part of Belarus. The text presents an analysis of relations among the three largest ethnic groups that inhabited the area: the Belarusians, the Polish, and the Jews. It highlights the factors that influenced their conflicts such as the Polish army presence, the Polish character of public administration, and the experience of the local population from the Great War and the Russian Revolution.

Regarding the Polish-Belarusian relations, the tradition of the social struggle between the Orthodox Church and the Catholic nobles was decisive. As far as the Polish-Soviet war is concerned, these clashes gradually escalated to national and cultural conflicts. The article further discusses the development of relations among the particular ethnic groups; during 1919–1920, the disputes between the Polish and the Belarusians developed from attempts of coexistence to little by little growing resistance. The position and behaviour of Polish army soldiers and anti-Bolshevik Russian (or Russian-speaking) organisations played a decisive role for the relationships between the Poles and the Jews. These attitudes were many times hostile towards the Jewish population, and even manifested by physical violence towards the members of this ethnic group.